

АННА ЧЕРНЫШЕВА

ВЕДЬМЫ

ГУБЕРНСКОГО ГОРОДА

Анна Чернышева

Ведьмы губернского города

«Автор»

2026

Чернышева А.

Ведьмы губернского города / А. Чернышева — «Автор», 2026

Что будет, если в губернском городе Российской Империи вдруг обнаружатся сёстры-ведьмы? Распугают женихов, нарушат экономические связи и расстановку сил в городе, но самое главное - разбудят Тёмные силы? Мужчины сходят с ума и проигрывают состояния, а женщины строят козни и теряют молодость и красоту. Разгул нечистой силы? Как бы не так! А вот не надо злить ту, которая попала в тело молоденькой девушки с разумом сорокалетней женщины из будущего. Ту, которая решила стать ведьмой во что бы то ни стало. Ту, которая умеет разбираться в мужчинах, но сердце её навсегда закрыто... Это продолжение истории Алёны из романа "До встречи в прошлых жизнях".

© Чернышева А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	16

Анна Чернышева

Ведьмы губернского города

Глава 1

Полное круглое лицо женщины, светящееся ореолом золотистых лучей вокруг, мягко склонилось надо мной. Я услышала мягкий говорок с протяжным волжским «аканьем»:

— Барышня, барышня, не закрывайте глазки! Вы туточки всех перепугали, а в дамской гостиной Пётр Валерьевич ждут!

Я похлопала глазами, пытаюсь осознать, что за Пётр Валерьевич такой, и зачем «они» меня ждут, но очень отвлекали золотистые лучи, выходящие прямо из-за головы тётушки. Та обеспокоенно смотрела на меня и что-то про себя прикидывала.

Затылок болел так, словно его со всей силы приложили кирпичом. Кирпич! Перед моими глазами пронеслись воспоминания, которые заставили сильнее зажмурить глаза.

Вот я сижу в машине и мысленно посылаю во Вселенную своё желание:

— Я хочу стать ведьмой и развить свои способности самым наилучшим для себя образом! Хочу помогать людям и колдовать во благо. Хочу полностью принять родовую Силу и научиться ей управлять! Пожалуйста!

Потом дорога из окраины в Самару, остановка у супермаркета и привычный маршрут к дому. А вот я уже иду в подъезд с пакетом продуктов.

Сверху, с крыши многоэтажки, на меня падает что-то белое и прямоугольное, и последнее, что я вижу, лежа щекой на асфальте — яркие жёлтые апельсины, рассыпавшиеся из моего пакета. И темнота.

— Барышня, вам надо вставать! Неровён час сестрицы ваши чего натворят! Вы просили не оставлять их с барином одних! — обеспокоенно прошептала тётушка и даже осмелилась похлопать меня по щекам.

— Какие сестрицы? Какой барин? Где мама? — я скорее простонала, чем спросила у назойливой женщины.

— Ой, ой, плоха, совсем плоха, — запричитала она и положила прохладную ладонь мне на лоб. Золотистые лучи продолжали осенять её лицо, как на старинных иконах, но заметно потускнели. — Матушку вашу третий год как схоронили, а вы всё запамятовали. Вставать надобно, Александра Емельяновна, не то совсем худо будет! Пётр Валерьевич нынче свататься приехал!

Не знаю, какая сила подняла меня с кровати, но я резко села и покачнулась, наводя резкость в глазах. Комната залита ярким светом с высоких окон. Обои в светло-зелёную широкую полосу и старинные карнизы с белыми невесомыми занавесками напомнили музейную обстановку. Прямо напротив кровати я увидела массивный шкаф полированного тёмного дерева и низенький столик, на котором сидела фарфоровая, ярко раскрашенная кукла.

Перина! Вот почему мне так жарко! Моё тело утопало в наимягчайшем матрасе и исходило жаром под толстым пуховым одеялом. Трясущейся рукой я скинула с себя напитавшуюся влагой и потом ткань, а затем дикими глазами посмотрела на руку. Тонкое колечко с небольшим бриллиантом красовалось на среднем пальце. Ногти были коротко пострижены и отполированы, а мой яркий маникюр куда-то делся. Да и кисть была какой-то... детской. Пальчики тоненькие, а сквозь мраморную кожу просвечивают синие венки.

— Вы кто? — спросила я, в упор глядя на тётушку и понимая, что золотистые лучи обрамляют не только её голову, но и тело. Одета она была в простое серое платье из льна — об этом красноречиво свидетельствовали заломы и складки, образовавшиеся под животом и в

подмышках. Сверху колом стоял накрахмаленный передник, а на гладко зачесанных волосах с проседью покоился чепец с рюшами. Очень старомодно.

— Ох, беда какая. Как же ты, дитяtko моё, головушкой сильно-то приложила! Зря я дохтура не позвала! Да только чем с ним расплачиваться-то, с тем дохтуром... Кто я! Да Нюра же я, касаточка моя! Не узнаёшь?

Глаза тётушки налились слезами, а я отрицательно покачала головой.

— Сладенька моя, вставай, подымайся, без тебя же сосватают-то! А ты так убивалась, так плакала, так не хотела замуж за Петра-то Валерьяча, пусть ему неладно будет!

Я поняла, что стоит прислушаться к тётушке Нюре и встать. Хотя бы для того, чтобы выяснить, кто меня сосватает, что это за Пётр Валерьяч и где это я очутилась.

Пошатываясь, поднялась с кровати, а Нюра уже подвела меня к столику, где стоял фарфоровый таз и белый кувшин с водой, расписанный под гжель. Невольно залюбовавшись рисунком, я пропустила момент, когда Нюра плеснула мне в руки холодной воды, и вздрогнула. Неловким движением умылась, и стало будто бы легче.

Пока тётушка отошла к шкафу, что-то там перебирая, я оглядела себя. Тонкая длинная сорочка сбилась и выглядела изрядно истерзанной. Тело как тело, очень похоже на моё настоящее. По крайней мере, ощущала я его именно так. А вот как она меня назвала? Александрой Емельяновной?

Я — Алёна, мне сорок первый год и я только что пережила невероятное путешествие в собственные прошлые жизни. Может быть, это моя новая жизнь? Точнее, старая. Но... здесь меня видят, со мной разговаривают, а это очень непохоже на прошлый опыт, когда я скользила по реальности невидимым призраком.

А вот то, что кто-то пытается выдать меня замуж, это плохо. Получается, что мне придётся жить и спать с чужим мужиком? Спасите-помогите! Пора разбираться с происходящим и идти выручать самое себя.

Тётушка Нюра вернулась с охапкой чёрных вещей и аккуратно расправила их на кровати.

— Давай, моя касаточка, нужно одеваться и спускаться. Потерпи, милая...

И, причитая и охая, она сменила мне нижнюю сорочку на другую, покороче и из тонкой шелковистой ткани. Сверху приложила корсет и принялась споро его затягивать. Дыхание сперло, в рёбра уткнулись жёсткие косточки, но в теле уже будто сформировались нужные углубления и пыточная штучка устроилась так, будто всегда там и была.

Сверху Нюра накинула чёрное строгое без оборок и рюш. Гладкий силуэт с юбкой, расклешенной книзу. Верх платья тоже был предельно простым — корсаж, покрывающий спину и плечи, с короткими рукавами три четверти.

Зеркало на трюльяже занавешено серой тряпкой. Видимо, разглядывать себя буду позже. Простое чёрное платье выглядело как-то бедненько, но тут Нюра подошла сзади и накинула великолепную чёрную шаль крупной вязки. Она тут же придала облику законченность и я завернулась в неё, как в броню.

— Красавица! Не отдадим тебя старому ироду! — прошептала Нюра и перекрестила меня украдкой.

Надо бы запомнить, что я красавица, а вот на старого ирода стоит посмотреть.

— Помоги спуститься, Нюрочка, — попросила я тётушку, и та просияла.

— Вспомнила! Вспомнила меня, касаточка! А то будто чужая! — и осторожно подхватила под локоть, выводя из комнаты на лестницу со скрипучими ступеньками.

И вовсе я не вспомнила, просто назвала её ласково, а то простое «Нюра» не ложилось на язык. Да и ещё непонятные золотистые лучи придавали ей мягкость и доброту.

Снизу доносились голоса. Я осторожно ступала по лестнице и украдкой разглядывала дом. Бумажные обои, картины на стенах. Комнатные цветы на подоконниках. Запах нагретого металла и свежескошенной травы, залетающий из распахнутых форточек.

Справа от лестницы обнаружилась гостиная, на пороге которой я замерла. Стены, выкрашенные в тёплый молочный свет, украшены натюрмортами с фруктами в простых крашенных рамах. Деревянный диван с вышитыми подушками, сбоку от него — круглый стол, накрытый белой скатертью.

На столе — блестящий самовар и самые настоящие сдобные бублики. Чайный сервиз из тонкого фарфора, коробка конфет с пышным шёлковым бантом. Под ногами — лоскутные половички, как у бабушки в деревне. Стулья с высокими спинками и вышитыми подушечками на сиденье. Шкаф со стеклянными дверцами, в котором выставлена расписная посуда. Странное сочетание деревенского быта и городских вещей.

На стуле сидел мужчина в расслабленной позе и постукивал по белоснежной скатерти пальцами левой руки. Свет из окна бил в глаза прямо за его спиной, и лица его я не разглядела.

Тут же, против света, на диване сидели две женские фигуры и озадаченно смотрели в мою сторону. Спины застыли в неестественной позе, в комнате повисла тишина.

Первой опомнилась та женщина, что сидела ближе ко входу:

— Сандра, дорогая, как хорошо, что тебе уже лучше! — она кинулась ко мне с детской непосредственностью и радостно обняла за талию. Я увидела, что это почти девочка — никак не старше шестнадцати лет — и она мне искренне обрадовалась. Даже больше — на её веснушчатом лице читалось явное облегчение.

Александра Емельяновна — значит, для домашних я Сандра. Замечательно! Нюра уже скрылась в коридоре и мне пришлось ухватиться рукой за косяк, чтобы не упасть.

— Спасибо, — улыбнулась я и прошагала в сторону дивана, с которого соскочила девочка. Она тоже заботливо поддерживала меня за локоть и помогла присесть рядом со своей спутницей.

И кто из них собрался выдать меня замуж?

Мельком кинув взгляд на свою соседку, я отметила, что она среди нас явно самая старшая. Тёмные волосы, бледное лицо, настороженный взгляд. Она держала подбородок нарочито высоко и старалась не смотреть на меня. Интересно.

— Душа моя, Александра Емельяновна, вы несказанно обрадовали меня своим появлением, — раздался от стола сочный низкий голос. Пётр Валерьевич чуть качнулся в мою сторону и изобразил нечто вроде глубокого кивка головой.

Ещё интереснее.

— А мы с вашей сестрицей уже обсуждали дату венчания, — донеслось до меня. Голос у собеседника был приятный, но напрягало, что я по-прежнему не вижу его лица. Насколько он старый? Почему Нюра так всполошилась?

— Я премного благодарна вам за заботу, Пётр Валерьевич, — выдавила я писклявым голосом и сама удивилась его звуку. — Но позвольте мне самой решить этот важный вопрос.

— Как же, как же, охотно, — улыбнулся гость, а мои глаза потихоньку стали привыкать к освещению. — Если ваши сестрицы позволяют, я бы хотел пару минут поговорить с вами наедине, милая Александра Емельяновна.

На самом деле я хотела того же. Нужно разобраться, что это за гусь, и понять, чем так ужасен этот брак. Ну, естественно, кроме того, что я вообще не знаю жениха и точно не собираюсь выходить замуж.

Младшая сестра тут же вскочила, глядя на старшую. Та помедлила, но тоже с достоинством встала и подала руку девочке. Они неспешно удалились, и в ту же секунду гость встал и пересел на диван рядом со мной.

На вид ему стукнуло около сорока пяти: ладный, русоволосый, с гладко выбритыми щеками и светлой порослью на подбородке. Над губами тоже имелись редкие усы, тщательно расчесанные и ухоженные. На лице выделялись рыбы глаза, чуть навывкате, что делало его

облик запоминающимся. Но он точно не был красивым мужчиной — особенно для молоденькой девушки.

Но когда Пётр Валерьевич улыбнулся и ласково взял мою ладонь тёплой рукой, я почувствовала от него волну чисто мужского обаяния.

— Милая Сандра, я считаю, что со свадьбой не стоит тянуть. По городу уже ходят слухи, и я знаю нескольких игроков, что ставят ставки на остатки вашего имущества. Ваш батюшка, Царствие ему Небесное, крайне опрометчиво оставил ваше прекрасное семейство без гроша в кармане...

Он сделал паузу, а я подавила первый порыв распахнуть глаза и издать удивлённый возглас. Так вот оно что!

— Пётр Валерьевич, — начала я и застенчиво ему улыбнулась. — Я не очень понимаю...

И сделала паузу. Кстати говоря, великолепный приём — стоит остановиться на полуслове, и собеседник захочет закончить за вас предложение и заполнить пустоту. И выложить то, что у него даже не спрашивали.

— Конечно, душа моя Александра Емельяновна. Все эти сложные дела не для девичьих ушей, но вам придётся принять, что положение изменилось. Приданое, которое было обещано за вами, более не принадлежит вашей семье. А уговор с вашим батюшкой был определённый. Но вы так прекрасны, что я готов жениться на вас даже бесприданницей. И помогу выйти замуж вашей младшей сестрице.

Я тут же преисполнилась благодарности к этому мужчине. Ну что за экземпляр! И, кстати, ничего не старый — а зрелый человек с жизненным опытом. И даже рыбы глаза не очень его портят, особенно когда он улыбается.

— Но вы должны понимать, что в браке я потребую от вас полного послушания. Поверьте, с высоты прожитых лет я знаю, что вам нужно, и со своей стороны полностью обеспечу ваш комфорт и достаток. Вы же даёте обещание умерить свой норов и вести себя так, как полагается бесприданнице.

А, нет, погодите. Не такой уж он и приятный.

Я сидела и улыбалась ему, лихорадочно соображая, что не так с моим норовом и какое поведение полагается бесприданнице. Ноги ему мыть? В рот смотреть? Рожать каждый год по ребёнку и не отсвечивать?

Я осторожно высвободила руку из его ладони и кивнула:

— Пётр Валерьевич, я поняла вашу мысль. Разрешите мне всё обдумать и дать вам ответ позже? Я не очень хорошо себя чувствую, и...

— Душа моя, в связи со смертью вашего батюшки наш с ним брачный договор в отношении вас утратил силу. Советую не слишком долго думать — в Самаре много девушек на выданье, которые хотели бы занять место подле меня. Но оно пока ещё ваше, — гость многозначительно посмотрел на меня и поднялся.

Потом склонился над моей рукой, чмокнув тыльную сторону ладони, и попрощался, оставив меня сидеть в полной прострации.

Едва закрылась дверь, как в комнату впорхнула веснушчатая девочка и та, другая. Я обратила внимание, что обе одеты в чёрное, несмотря на летнюю погоду. Значит, в семье траур по батюшке, лишившему меня приданого.

— Ну что? — обеспокоенно спросила брюнетка, присаживаясь на стул, где не так давно сидел неприятный гость.

— Агата, ты не видишь, что на Сандре лица нет? — возмущённо проговорила младшая, а я второй раз за день испытала к ней благодарность. Значит, Агата.

— На нас на всех уже месяц лица нет! Сорок дней батюшке едва минуло, а к нам уже вереницей ходят кредиторы! Господи, позор-то какой, — с надрывом произнесла брюнетка и я поняла, что знаю ещё далеко не всё.

Младшая сестра тем временем налила мне в чашку чая и подала вместе с блюдцем. Я благодарно улыбнулась ей и подумала, что надо бы узнать и её имя. Отхлебнула чай и обожгла себе губу. Больно!

— Не дави на неё! Ты сама-то выскочила замуж за кого хотела! — напустилась на неё малышка. А она не такая уж и робкая!

— И что из этого вышло? — с горечью парировала Агата и повернулась ко мне: — Что он сказал? Вы назначили дату свадьбы? Его нельзя упустить, Сандра, иначе ты погубишь нас всех!

Я сделала паузу, посмотрела на них всех и произнесла:

— Он дал мне время подумать. Я сейчас плохо соображаю. И вообще не уверена, что мне стоит выходить замуж.

— Это твой долг! — строго сказала Агата. — Я бы сделала это для своей семьи, если бы была на твоём месте! Нельзя думать только о себе, как батюшка! Ты видишь, до чего доводят пороки и эгоизм? Если бы он думал о нас, а не о выпивке и картах, то мы бы сейчас не сидели на протёртом диване в прошлогодних нарядах и не думали, за кого бы выдать тебя замуж.

— Ты уверена, что нет другого пути? — у меня в груди медленно начала закипать ярость.

Почему она толкает бедную Сандру жертвовать собой? Разве ничего нельзя сделать иного? Что за узколобость? Уж я-то точно знаю, что даже если тебя съели, у тебя есть минимум два выхода! Может, для этого я попала в тело несчастной Сандры, чтобы спасти её от завидной участи?

— Какого пути? Может быть, нам всем пойти в дом терпимости и получить жёлтый билет? Только ты слишком наивна, Александра, чтобы понимать, что это такое. А я тебе скажу — уже лучше всю жизнь ублажать одного старика, чем каждый день — несколько разных мужчин!

Бешенство поднялось так быстро, что я не успела среагировать. Чашка в моей руке резко потяжелела и я метнула её в стену, чтобы не выплеснуть кипяток на одну из сестёр. Раздался звук удара и черепки тонкого фарфора звонко ударились о пол. Но это было не главное. Вместе с ними на пол попадали осколки льда, жёсткие, как острое стекло. Чайного льда.

Младшая сестра подбежала к стене, подняла один из них и проговорила:

— Всё, девочки. Началось.

Глава 2

Рука казалась огненной, будто всё тепло из чашки я вобрала в себя. Вспышка гнева мгновенно угасла, и я потрясённо смотрела на куски коричневого чайного льда. Я... заморозила кипяток?

— Ничего не началось, — торопливо проговорила Агата и крикнула в сторону двери: — Нюрочка, приberi тут!

— Что началось? — я не собиралась давать этой высокомерной командирше сбить меня с толку.

— Странности, — пробормотала младшая сестра, переводя взгляд с меня на сестру. — Как у маменьки...

— Ах, опять эти твои детские выдумки! — отмахнулась сестра. — Мы ничего не видели. Ничего и не было!

И она выплыла из комнаты, поддерживая тёмное платье из плотного шуршащего материала.

Нюра прибиралась у стены, замечая осколки и качая головой. Золотые лучи вокруг её дородной фигуры исчезли, но эта мысль прошла по краю сознания, потому что я сосредоточенно соображала. У маменьки тоже были какие-то выдумки. Уж не колдовала ли почтенная мать семейства? После того, как я побывала в шкуре Карпатской ведьмы четырнадцатого века, я уже ничему не удивлялась. Странно, очень странно.

Веснушчатая девчонка устремила за Агатой, а я — следом. Слабость ещё давала о себе знать, но меня больше беспокоила рука, которую можно было использовать вместо грелки.

Агата прошла в сад — и я успела услышать краем уха, как сестрёнка подскочила к ней и выпалила на одном дыхании:

— Это ты вчера сделала, да? Я так и знала, что ты колдовала! Ты трогала мамину книгу!

Агата сделала попытку заткнуть девчонке рот, жестами махая то на неё, то на соседский дом за забором. Но не тут-то было. Та продолжала верещать:

— Вот почему Сандре стало плохо! Мама же предупреждала, никогда не трогать её вещей! А ты до сих пор их не сожгла! Посмотри на неё, она ведь сама не своя!

Я и правда стояла столбом и смотрела на них, не в силах что-то сообразить или сказать. Но в поддержку младшей кивнула.

— Асенька, изволь с уважением обращаться к старшим! И выбрось из головы те детские фантазии, которые ты себе позволяешь! Оставь меня, у меня скоро разыгрется мигрень от твоего шума!

Младшую девочку звали Ася! У неё были рыжевато-русые волосы, светлые веснушки на носу и на щеках и водянистые глаза, которые часто бывают у славянских девочек, не вошедших ещё в свой лучший возраст. Бледное лицо, не успевшее повзрослеть, искрилось детским очарованием и непосредственностью, но каким оно станет со временем — оставалось только гадать. Вот только чёрное воронье платье совсем её не красило.

— Никто никого не будет оставлять в покое, — внезапно проговорила я твёрдым голосом. — Нам нужно поговорить и всё выяснить. Пройдёмте в дом, пока к нам действительно не сбежались все соседи.

Обе сестры обернулись на меня, застыв с открытым ртом — видимо почуяли непривычные нотки — но подчинились. Ася осторожно затворила дверь и прикрыла форточку в гостиной. Теперь можно и поговорить.

— Агата, что ты делала вчера? — строго спросила я её.

— Ничего не делала! — с вызовом ответила она, применив высокомерный взгляд сверху вниз. — Я не знаю, что с вами обсуждать, и не намерена...

— Ты сядешь и выслушаешь, — скомандовала я. — Потому что это имеет прямое отношение к Сандре. Я не знаю, что ты вчера делала, но её больше нет.

В комнате стало оглушительно тихо. Тикали часики на старинном буфете, стучало сердце. Но теперь я завладела вниманием их обеих.

— Я — не она. Меня зовут Алёна, и я родилась совсем в другом месте, — про время пришлось прикусить язычок. Не стоит так рисковать и давать им лишнюю информацию. — И я вас не знаю.

Ася обошла меня по кругу, потом осторожно дотронулась до руки. Я подавила желание в ответ клацнуть зубами, но не по доброте душевной, а по причине того, что девочку и так мог хватить удар.

— Вы можете убедиться, что я не ваша сестра. Я ничего не знаю ни о вас, ни о том, где я. И уж тем более не ведаю ни о Петре Валерьевиче, ни о маменьке, ни о папеньке.

— Батюшке, — машинально поправила меня Агата.

— И почему я оказалась в теле вашей сестры — тоже. Но делаю вывод, что кто-то из вас что-то сделал с ней. И я намерена выяснить, кто и что. А ещё я умею превращать воду в лёд, если кто не заметил. И если опустить ахи-вздохи и пустые сантименты, то предлагаю перейти сразу к сути. Кто вы? Где мы? И какой сейчас год?

Асенька нервно комкала в руках влажный платок, а её бледные глаза были красными, как у мыши. Агата же нервно сжимала кулаки на коленях и сидела неестественно прямо, будто проглотила швабру. И только я записывала на бумаге сведения графитным гимназическим карандашом:

«Год: 1901 г. (!!!!)

Губернский город Самара (!)

Семья Шумского Емельяна Ивановича, покойного купца второй гильдии»

В висках стучало от волнения, но я продолжала задавать вопросы:

— Почему Сандре обязательно выходить замуж за Петра Валерьевича?

— Потому что батюшка после смерти маменьки запил, и все наши предприятия и заго-родное имение пропил. Приданое наше проиграл. Всего-то и осталось, что этот дом да то, что в нём, — проговорила Асенька и громко шмыгнула носом.

— А почему этот Пётр всё ещё сватается? Тем более, что у вашего семейства траур? — допытывалась я.

— Потому что он уже двух жён своих уморил, и никто за него дочку отдавать не собира-ется. А ему наследники нужны! — пробормотала Ася.

И я, услышав бесхитростное признание, громко расхохоталась.

— А вы Сандру совсем не любили, да? — развеселилась я. — Одна колдовала, чтобы со свету сжить, и обе были согласны её в могилу загнать, лишь бы в достатке нежиться? Теперь я вижу, что вы настоящие сёстры!

— Сандра была взбалмошной девчонкой! И я не колдовала, чтобы её со свету сжить. Просто хотела, чтобы она... поговорчивее стала. Хотя бы до свадьбы! Никто не хочет род-ниться с семьёй пропойцы и ведьмы! — выпалила старшая сестра и осеклась.

Ведьмы, значит. Проговорилась-таки про маменьку!

Я хищно уставилась на Агату:

— А где твой муж? Почему не выручает семейство жёнушки из беды?

Старшая сестра, поджав неожиданно задрожавшие губы, отвернулась к окну. Вместо неё ответила Ася:

— Платон Платонович живёт в Париже, откуда Агата выехала на похороны батюшки сорок дней назад. Но теперь, по письмам знакомых, у него есть дама сердца, и жену он назад не зовёт, и денег не высылает.

Я снова злорадно расхохоталась. Это тот муж, за которого она сама хотела выйти?

Агата резко повернулась и зло выплюнула:

— Граф Платон Платонович — знатный человек, а у них свои причуды. Совсем скоро он пришлёт средства и я снова уеду к нему. Негоже слушать сплетни и слухи, Ася. Это не красит молодую девушку!

— Ну и семейка, — вздохнула я. — За какие такие грехи я к вам прикомандирована?

— Прикомар... что? — по-детски изумилась Ася.

— Не что, а за что! Где у нас бумаги, счета, расходные книги? Расписки, купчие? Ну, что там от имущества-то осталось! Надо взглянуть!

Юрист во мне требовал опираться на факты, и именно это я и планировала сделать. Мешала слабость и нервное потрясение от подобного перемещения в прошлое. Руки мелко тряслись, хотя правая уже почти остыла, и я то и дело постукивала зубами. Но попросить воды боялась — вдруг взорву чашку или выкину что-нибудь этакое?

— В кабинете всё осталось, как при папеньке, — со слезой в голосе пробормотала Асенька и присела у входа на резную кушетку так, будто её не держали ноги. — Он не велел сюда ходить, а когда запил — так и вообще носа не показывал. Тут же и помер.

Оно и видно. Зеркала занавешены, личные вещи прибраны, но в целом тут было чисто. Наверняка Нюра постаралась, святая женщина. Бумаг на столе не было никаких, а вот секретер батюшкин закрыт на замочек.

— Где ключи от шкафа? — я повернулась, подавляя раздражение. Бестолковая команда — не самое страшное, с чем я сталкивалась. За свою жизнь я наняла, адаптировала, обучила и уволила десятки людей. А вот от «родни» так просто не избавишься. Хотя, может быть, и стоит на будущее.

Агата с осуждающим видом стояла в дверях, скрестив на груди руки. В своём просторном чёрном платье с рюшами она была похожа на ворону, а выражение лица ещё больше усиливало это сходство.

— Ключи, скорее всего, у поверенного. Но батюшка и ему задолжал, так что я к Иван Ивановичу не пойду. Проще сломать замок, если тебе это так надо.

— Ты что! Батюшка бы не одобрил! — ахнула Асенька, а потом густо покраснела и замолчала.

Я же начала методично проверять все шкафы в комнате. В одном из них стояла початая бутылка с чем-то спиртным. То ли самогон, то ли ещё что поблагородней. Отвинтила крышку, понюхала, а потом закрыла глаза и сделала глоток. Жидкость обожгла горло, а потом растеклась по пищеводу горячей волной.

Агата ахнула и развернулась, с негодованием покидая кабинет. Ася осуждающе посмотрела на меня, но ничего не сказала.

— Что за Иван Иванович? Где найти? — отрывисто спросила я, переждав бурю в желудке. Прошу прощения, Емельян Иванович, но ваше пойло мне сейчас нужнее.

— Он живёт на Ильинской, сразу за площадью, — подсказала Асенька. — Мы как-то с батюшкой заезжали к нему, и я ждала его в гостиной.

— Мы можем туда съездить? — осторожно спросила я, немного сбавив тон. Того гляди и напугаю девочку.

Та в отчаянии затрясла головой, лохматя рыжеватые кудряшки.

— Нет, у нас и экипажа теперь нет, да и Фрол на вольные хлеба ушёл. Только Нюрочка с нами и осталась...

Я захлопала глазами. Всё настолько плохо?

— А пешком-то мы дойдём?

Асенька тут же покраснела и испуганно распахнула глаза:

— Да как же, мы так далеко... Тут, поди, от нас до Ильинской улиц десять пройти... Или девять? Не помню! Это крестьянки только пешком ходят, а мы...

— Ничего, и мы дойдём. Раз уж обнищали, то и привычки простых людей пора перенимать. А мы на какой улице живём?

— Так ведь на Саратовской! — снова распахнула глаза Ася. — Ты совсем ничего не помнишь?

Я покачала головой, решив не вдаваться в подробности переселения душ. Это мне, сорокалетней женщине, чуть не снесло крышу, когда я впервые оказалась в прошлой жизни. А девочка вообще может двинуться кукухой. Пусть думает, что я сбрендила.

— А как мы без сопровождения? У нас же траур, — забеспокоилась она.

Действительно, вроде бы не принято было раньше женщинам одним разгуливать? Или в 1901 году уже можно? Как же плохо, что я почти ничего не знаю про этот период! Да, я коренная самарчанка, но вот что за Саратовская улица, что за Ильинская? Эти названия мне ничего не говорили. Всё, что я помнила, так это название улицы Дворянской — вот она была главной городской достопримечательностью — что сто пятьдесят лет назад, что в двадцать первом веке.

Я вздохнула и уставилась в окно. Купеческий дом окружал зеленый сад и сплошной деревянный забор, выкрашенный в бледно-жёлтый цвет. За ним сразу виднелся многоэтажный дом из тёмно-красного кирпича, смутно знакомый. Таких домов в купеческой Самаре было много — в основном их строили под сдачу квартир в аренду. Доходные дома — так они назывались.

— Ася, а если нам устроить небольшой маскарад? Давай нарядимся простыми горожанками и пойдем пешком. А уж Иван Иванович никуда не денется, примет и такими. Так ведь можно?

Девочка помедлила, а потом неуверенно улыбнулась.

— Хорошо. Мы можем взять корзинку и заодно заглянем в лавку, вдруг нам отпустят немного масла и соли! — воскликнула она. — Только надо обувь сменить, а то в туфельках не дойдём.

Она вскочила и убежала, а я с сомнением посмотрела на свою обувь и поспешила за ней. Нужно было что-то более удобное и крепкое, в этом Ася была права.

Мы беспрепятственно вышли из дома, не попавшись на глаза Агате. Младшая сестра переплела косу и накинула на голову простой чёрный платок без кружев, отчего сразу стала похожа на крестьянку. Я последовала её примеру и тоже заплела длинную косу. С непривычки устали руки — вряд ли Сандре приходилось самой возиться с волосами. Посмотреться в зеркало возможности не было, поэтому пришлось довольствоваться малым и выходить на улицу как есть.

Самара начала двадцатого века поразила. Непривычная тишина перемежалась излишне громкими звуками: стуком копыт по сухой пыльной земле, щелчком кнута и окриком мужчин, разгружавших что-то у соседнего дома. Ася потянула меня не на дорогу, а вглубь квартала, чтобы двориками пройти к следующей улице. Так мы не попадёмся на глаза соседям.

Меня накрыло странное дежавю. Строения во дворах казались знакомыми, но ровными и ухоженными. Почти не встречались покосившиеся дома и поплывшие фундаменты. Деревянные строения либо выкрашены бледной краской, либо ярко желтеют новыми досками. Почти в каждом дворе брехала собака. Высокие карагачи и липы свешивались через заборы, усыпая улицу своими семенами. Я была в своём городе — и одновременно не в своём.

— Сандра, пошли, — тянула меня за рукав Ася, когда я застывала, разглядывая непривычный пейзаж. Я увидела мужика в настоящих лаптях! Серые от пыли, перетянутые потёртыми верёвками, но справные и крепкие! Потом я залюбовалась резными наличниками на

двухэтажном деревянном особнячке с геранью на подоконниках. — Обойдём Троицкую площадь, а то застрянем.

Троицкая площадь и в моё время носила это название. В двадцать первом веке там был рынок, и сейчас на этом месте тоже слышался характерный шум. Но я умерила любопытство и строго сказала себе, что ещё успею прогуляться по городу. Ася начинала уставать, хотя мы прошли всего два квартала. Нужно было спешить, одновременно поддерживая девочку. В отличие от старшей сестры, она искренне хотела помочь. Оно и понятно: младшая — следующая жертва замужества по расчёту. Кто знает, кого ей выберут в женихи, чтобы поправить дела семьи?

Контора Ивана Ивановича представляла собой комнату в квартире, которую занимал этот почтенный человек. Над отдельным входом висела вывеска:

«Частный поверенный И.И. Гердтъ»

— Это здесь! — устало воскликнула Асенька и вздохнула. — Обратно я не дойду!

Я тоже чувствовала себя утомлённой. Словно незрячий человек, следующий за собакой-поводырём, я в какой-то момент вовсе перестала замечать окружающую действительность, чтобы не сойти с ума. Моментальное погружение в другую эпоху создавало чувство опьянения — будто всё это происходит не со мной.

На стук в дверь открыла стройная молодая женщина, одетая в серую блузку и чёрную юбку. Пепельные волосы уложены на голове в затейливую причёску, в ушах — скромные жемчужные серьги. При виде нас она нахмурилась, собираясь произнести что-то резкое, но я опередила:

— Мы к Ивану Ивановичу, поверенному нашего отца, — потом вдруг вспомнила про приличия, выдавила из себя улыбку и добавила: — Доброго дня вам.

Женщина оглядела нас с головы до ног, но потом отошла вглубь и проговорила:

— И вам доброго дня. Иван Иванович изволит обедать, но если вы подождёте...

Я деловито распахнула дверь, оглядывая тёмный коридор с высокой лестницей, и твёрдо сказала:

— Мы подождём!

При слове «обед» желудок сжался, а когда нос уловил ароматы борща и тушёного мяса, то и вовсе неприлично булькнул. Судя по виду, Асенька испытывала то же самое.

— Кто там, душа моя? — послышался мужской голос, и из боковой двери показался солидный мужчина в белой рубашке и строгом жилете. На немолодом лице выделялась светлая бородка клинышком и круглые пенсне на кончике носа. — А, сёстры Шумские. Очень рад. Отобедаете с нами?

Ася смущённо затрясла головой, а я испытала неожиданный прилив благодарности:

— Иван Иванович, мы к вам по делу. Но если вы ещё не обедали, то мы будем рады составить компанию.

Понадеявшись, что мой ответ выглядит достаточно учтиво для купеческой дочки, я уверенно прошла вслед за хозяином в столовую и огляделась. У поверенного была уютная квартира с простым интерьером. Круглый стол в центре накрывался на две персоны, нарядная белая скатерть спускалась до самого пола. На стене — волжский закат в раме и портреты хозяев. Часы-ходики с гирьками, буфет со стеклянными дверками и фарфоровой посудой. Уютный диван и столик с графином подле него. Весёлые жёлтые занавески задавали тон этой комнате и придавали тепла простому интерьеру. Никаких побрякушек, безделушек и того, что создаёт визуальный шум. На подоконнике — три горшка с цветущими геранями.

Хозяйка удалилась за приборами, а мы прошли вслед за хозяином в уборную — помыть руки и привести себя в порядок перед трапезой. Я с любопытством заглянула в зеркало, сняла чёрный платок и пригладила волосы.

Обычное славянское лицо — курносый носик, бледные брови, голубые глаза и розовые перламутровые губки. Очарования и невинности придавали мелкие завитки вокруг лба и вис-

ков — тонкие русые волосы вились и выбивались из причёски. Смотреть на новую себя было непривычно, но приятно.

Когда вернулись в гостиную, пожилая женщина в крестьянском платке ставила дополнительные приборы на стол, а хозяева ждали на диване.

Красный борщ с чесноком и пампушками, кровяная колбаса тёмными колечками, нарезанный дольками ядрёный репчатый лук, кусочки сала на тарелочке и крупные куски хлеба вызвали непреодолимое слюноотделение. Но я заметила, каким изящным движением Асенька зачерпнула ароматный борщ мельхиоровой ложкой, и взяла себя в руки. Воспитание и нужно для того, чтобы помогать в самых сложных ситуациях, уж это-то я усвоила. И я тут же проследовала её примеру.

— Иван Иванович, — обратилась я к поверенному после того, как борщ был съеден, а хозяйка и экономка скрылись на кухне, чтобы приготовить чай. — Насколько всё плохо с нашими делами?

Гердт посмотрел на меня поверх пенсне, которое то ли забыл, то ли не захотел снять, и вздохнул.

— Очень плохо, Александра Емельяновна. Я дам вам полный отчёт и расскажу, что надлежит сделать в ближайшее время. Жаль, что Агата Емельяновна не смогла прийти с вами. Впрочем, обо всём по порядку, но только после чая.

Глава 3

Вкуса чая я не запомнила. Помню, как по купеческому обычаю дула на блюдце, полное ароматного напитка, и смотрела на то, как он смешно расходится волнами от моего дыхания. Потом пила, удивляясь, что чай и правда быстро остыл. Ароматное варенье я тоже не распознала. Иван Иванович подсказал, из чего оно, но я пропустила мимо ушей.

До меня внезапно дошло, что всё взаправду. Я тут, в чужом времени, в чужом теле. А состояние дел семьи Шумских теперь имеет ко мне самое прямое отношение. И сразу же начала волноваться о том, что готов поведать поверенный Гердт.

Когда за нами с Асей закрылась дверь его строгого кабинета, я усилием воли подавила дрожь. Мне казалось, что я никогда в жизни так не волновалась.

Иван Иванович раскладывал по столу бумаги, не глядя на нас. Мне показалось, что он намеренно оттягивал тяжёлый момент.

— Итак, у покойного Емельяна Ивановича осталось следующее имущество, — начал он глухо и тут же кашлянул, прочищая горло. — Городская усадьба с домом и надворными постройками по улице Саратовской, оценочной стоимостью 4500 рублей. Это единственное сохранившееся жильё, свободное от прямого залога, но под угрозой взыскания по векселям.

Вздыхнул. Переложил лист бумаги, поправил пенсне.

— Карточные долги по распискам — 7000 рублей. Долги ростовщикам под залог векселей — 3000 рублей. Недоимка перед Купеческим обществом и налоги — 500 рублей. Открытые кредиты в лавках по тем, кто обратился за взысканием — чуть более 300 рублей.

Асенька закрыла лицо руками и сидела, не шевелясь. Я же складывала в уме нехитрые суммы и сказала почти одновременно с Иваном Ивановичем:

— Итого 10 800 рублей долгов.

Учитывая, что городской дом стоил вдвое меньше, сумма меня потрясла.

— Иван Иванович, а что-то из предприятий... осталось? Батюшка же купцом был...

Гердт с жалостью посмотрел на меня, но терпеливо разъяснил:

— Да, ваш батюшка владел земельным участком с хлебными амбарами возле железнодорожной станции, в районе Оренбургской ветки. Каменный склад, три деревянных амбара с навесами и погреба. Весьма прибыльное дело имел-с. Оценочная стоимость — 2000 рублей, и доход 150-200 рублей в год от аренды. Перешло в собственность... так-с... Общества взаимного кредита в счёт непогашенных долгов.

Я прикинула, что если в хлебной столице Поволжья, которой был губернский город Самара в прошлом, сдача хлебных амбаров в аренду давала до 200 рублей в год, то долг в десять тысяч рублей с лишним кажется совершенно неподъёмным.

— Ещё была мастерская по изготовлению мешков для зерна и муки, стоимость оценили в 1500 рублей. Ваше приданое, Александра Емельяновна. А ещё приданое Анастасии Емельяновны... Асеньки, — Гердт послал извиняющийся взгляд девочке, — мельница в районе Засамарской слободки. Заложено по стоимости 3000 рублей купцу Ромашову.

— А у Агаты было приданое? — спросила я. Мой собеседник кивнул.

— А как же. Оно так и осталось в её распоряжении, как по закону и положено. Агате Емельянове повезло, она раньше всех вышла замуж. Её имущество — доходный дом на улице Вознесенской. Арендные платежи по её доверенности получает супруг вашей сестры, Платон Платонович.

Я почувствовала, как струйка пота стекает по спине. Со всех сторон — засада. Батюшка Сандры был обеспеченный человек, раз каждой дочери подготовил в приданое не просто недвижимость, а небольшое дело, которое может приносить доход. А потом что-то пошло не так...

— Иван Иванович, что нам теперь делать? — спросила я, внимательно глядя на Гердта. Он поднял глаза от бумаг и ответил:

— У вас есть несколько путей, но я буду настоятельно рекомендовать вам отказаться от наследства. Вы можете принять либо всё сразу, либо отказаться от всего. Ваш дом на Саратовской куплен батюшкой в 1881 году, а значит, не является родовым гнездом. Поэтому на дом будет наложено взыскание, как только оно перейдёт в вашу собственность. Я помогу вам оформить отказ, и тогда долги Емельяна Ивановича будут выплачены за счёт средств, вырученных от продажи дома.

— Но... где мы будем жить? — Асенька впервые с начала разговора раскрыла рот и задала вполне разумный вопрос. — Загородный дом возле хутора Красная Глинка батюшка потерял одним из первых.

— Я буду ходатайствовать перед Купеческим сообществом о помощи и установлении опеки над вами. Есть сиротские дома...

— Подождите, Иван Иванович. А если мы примем наследство? Что тогда нас ждёт? — перебила я его.

— Тогда вам надлежит расплатиться с долгами в установленный срок. А если не успеете, то на дом всё равно обратят взыскание и продадут с молотка. И результат будет тот же самый.

— А если мы расплатимся с долгами? — задала я главный вопрос.

Иван Иванович с любопытством посмотрел на меня поверх пенсне и ответил:

— Самый приемлемый вариант для вас — удачно выйти замуж. Тогда супруг может расплатиться с вашими долгами и решить материальные проблемы. Конечно, без приданого придётся сложновато, но, насколько я знаю, у вас есть претенденты на руку и сердце...

Я поморщилась, но ничего не ответила.

— Какой срок у нас есть, чтобы принять решение по наследству? — я уже прикидывала варианты, и мой мозг заработал, переваривая информацию.

— Тянуть не следует. Кредиторы могут предъявить свои требования в течение первых шести месяцев с момента смерти вашего батюшки, а те, кто живёт далеко — до двух лет. Поэтому решение лучше принять в ближайшее несколько недель. И вот ещё что.

Гердт встал, обошел стол и принялся нервно тереть серебряную запонку на накрахмаленном манжете рубашки.

— Если вы решите принять наследство, то Купеческий староста потребует установить над вами опекунство, так как вы, барышни, ещё не достигли совершеннолетия. Подумайте об этом — при наличии хорошего опекуна вы можете решить ваши финансовые проблемы. Им может стать как супруг вашей сестры, так и другой достойный представитель купеческого сословия.

Ох, как сложно всё! От обилия цифр пухла голова, но точная картина всегда была предпочтительнее, чем оценочные суждения кого бы то ни было. Уж в чём, а в бумагах и законах я разбираюсь! И читать нормативные акты и договоры умею. Да и поверенный, в целом, вызывает доверие.

Я встала и благодарно улыбнулась Гердту:

— Благодарю вас, Иван Иванович! Мы с Асенькой, пожалуй, обдумаем всё, что вы сказали, и посоветуемся с сестрой. Благодарю вас сердечно!

Законник кивнул и учтиво проводил нас до двери.

— Мне очень жаль, что ваш батюшка так безвременно вас покинул, не поправив свои дела. Я попрошу Наташу распорядиться, чтобы вас отвезли домой в нашем экипаже.

— Какой прекрасный дом! — вырвалось у меня, когда мы сошли с чёрной коляски, услужливо предоставленной Иваном Ивановичем. Асенька странно посмотрела на меня, а я остановилась и залюбовалась деревянным купеческим теремом. Фасад из лимонно-жёлтой

доски, требовавшей обновления и новой порции краски, притягивал внимание нарядными резными ставнями. Окна располагались группами по три в ряд — странное и необычное решение.

С улицы дом казался одноэтажным, и только над левой частью красовался надстроенный второй ярус. Но вглубь участка, со стороны сада, уходили ещё надстройки, и там, скорее всего, располагались спальни сестёр и их родителей. Терем был уютный и красивый, хоть и не слишком роскошный. Стоящий рядом красно-кирпичный Челышевский доходный дом смотрелся куда помпезнее и массивней.

В доме оказалось пусто. Мне не терпелось прижать к стенке высокомерную Агату и выяснить, почему доходы от её приданого уходят за границу мужу, когда она сама так нуждается в деньгах.

Но искать старшую сестру пришлось довольно долго — она неожиданно оказалась в саду, церемонно разговаривая с неизвестным молодым человеком, а рядом суежилась Нюра, разливая чай из шипящего самовара. Неужели весь день гонять чаи — это и есть всё занятие купеческих дочек?

Но когда я уже устремила к любезно болтающей парочке, меня тронула за локоть Ася. Она покраснела и смущённо прятала глаза.

— Сандра... нам лучше переодеться. Там Елисей Андреич, и негоже нам...

Я и вправду забылась, что мы специально маскировались под мещанок и выглядели не очень презентабельно. Следовало переодеться и умыться, потому что встречают всегда по одежке. Улыбнулась и кивнула Асе — молодец, что остановила.

На втором этаже, куда мы поднялись по скрипучей лестнице, оказалась комната для умывания — но там не было ни унитаза, ни раковины, ни ванной. Вместо этого на деревянной тумбе, заботливо накрытой кружевной салфеткой, стоял практичный жестяной таз, а над ним — обычный рукомойник с палочкой, которую следовало приподнимать ладошкой. У стены стояло два ведра с прохладной водой.

Между тазом и рукомойником на стене висело зеркало, сейчас занавешенное тряпкой.

— Ася, сорок дней батюшке уже прошло, так? — спросила я, потянувшись к тряпке, и содрала её, не дожидаясь ответа. Сестра только вздохнула в ответ.

Мы умылись холодной водой, что помогло взбодриться, и потом синхронно стали расплетать косы.

— Давай, я тебе волосы соберу, — привычно потянулась Асенька к расчёске и замерла. — Я обычно Сандре всегда помогала, у меня хорошо получается.

Я кивнула и присела на подвинутую ею табуретку. Она ловко скрутила волнистые пряди на затылке, выпустила пару локонов у висков и закрепила шпильками чёрную ленту в знак траура.

Потом я взялась за гребень и сделала Асе простую «мальвинку», закрепив пучок из двух кос над затылком и оставив рыжеватые пряди свободно спускаться по плечам. Ася напоминала персиковый бутон, который вот-вот готов распуститься, и я залюбовалась её лицом. По-детски пухлощёкое, оно всё равно очаровывало и манило вглядеться повнимательнее, угадывая, какой она вырастет.

Мы ещё раз посмотрелись в зеркало, синхронно покусав губы и пощипав щёки пальцами, и бегом спустились в сад. Асеньке явно не терпелось увидеть гостя.

Первой встала Агата, улыбнувшись нам, и что-то пробормотала в сторону красивого молодого человека, вышедшего из-за стола в летней беседке. Он оказался очень молод и очень привлекателен. Золотисто-пшеничные волосы пышной волной лежали надо лбом, а под светлыми бровями горели пронзительные голубые глаза. Гость улыбнулся, обнаружив ямочки на щеках, и Асенька зарделась. Лёгкая небритость и короткие усики совершенно его не портили, и я тоже залюбовалась мужчиной. «Красив, как Есенин!» — пронеслось в голове, и я благо-склонно ему улыбнулась.

— Анастасия Емельяновна, — учтиво поклонился гость и поцеловал барышне ручку. Потом повернулся ко мне:

— Александра Емельяновна, рад вас видеть, — и тоже приложился губами к тыльной стороне ладони. Я против воли заулыбалась. Хорош!

— Елисей Андреевич, как хорошо, что вы нас навестили, — Ася уже оправилась от смущения и как заправская кокетка взяла парня в оборот. — Это были ужасные сорок дней!

— Я приношу вам свои искренние соболезнования, — пронзительные голубые глаза внимательно смотрели на Асю, будто бы никого в мире не было интереснее для него. Готовый сердceed, да и только.

Елисей Андреевич галантно пропустил нас к столу и сел последним. Нюра уже налила крепко заваренного чаю из фарфорового чайничка и разливала кипяток по кружкам. На столе стояла жестяная коробочка ярко-жёлтого цвета, на которой я успела прочесть надпись «Французское печенье к чаю. «Пети-Беръ» и название производителя — С.Сиу и Ко.

— Позвольте преподнести вам печенье из самой Москвы! — улыбнулся Елисей Андреевич, замечая мой взгляд. — Батюшка давеча привёз, только вчера вернулся, ездил по делам, а я — сразу к вам.

Я заметила, что мы все трое — и даже натянутая, как струна, Агата — невольно любимся молодым Елисеем. С одной стороны, было приятно присутствие хоть кого-то, кто приносит сладости и не говорит о долгах. А с другой — мне не терпелось расспросить Агату, и я нервно постукивала ногой, желая, чтобы визит поскорее завершился.

Как, оказывается, трудно выносить неспешный ритм жизни людей начала двадцатого века, когда сама привыкла делать несколько дел одновременно!

— Я, собственно, к чему приехал, — Елисей Андреевич поймал мой взгляд и верно его расценил. — Понимаю, что вы в трауре, и, быть может, я не вовремя... Но моя сестрёнка послала меня, вся сгорая от нетерпения. Вы, Анастасия Емельяновна, помните, что у Леночки именины второго дня, и она собирает узкий круг подруг у нас дома. И очень жаждет вас видеть.

Елисей Андреевич взял нежно ладонь Аси в свою руку и ожидающе посмотрел на неё невозможно-синими глазами. Та покраснела, но ладони не вырвала. Сестра подняла умоляющий взгляд на Агату, словно спрашивая у той разрешения.

— Я беру все хлопоты на себя. Заеду за Анастасией Емельяновной перед праздником, а потом привезу домой! — добавил он ещё один аргумент. Агата молчала, нервно теребя платок.

Ася, увидев колебания сестры, пригорюнилась и начала расстроено бормотать:

— Полноте, Елисей Андреевич, я буду там не к месту... в трауре, вся в чёрном, как ворона... не хочу портить Леночке праздник! — и я увидела, что девочка сейчас заплачет.

— Конечно, пусть едет! — подала я голос, и все неожиданно уставились на меня. — Ежели Леночка, зная о нашей горе, всё равно хочет видеть подругу... значит, так тому и быть! Ася просияла, отвернувшись от Агаты, а я встала и поманила ту рукой.

— Прогуляемся по саду? — пригласила я её, приторно улыбаясь, и требовательно протянула ей руку. — Нам нужно кое-что обсудить. Простите нас, Елисей Андреевич!

Агата встала, натянуто улыбнувшись, и наказала Нюре никуда не отходить. Видимо, это требовалось для соблюдения приличий. Целую вечность она выходила из-за стола, и я уже потеряла всякое терпение, ожидая её.

Я увела её на другой конец сада и припёрла к дереву, не давая уйти.

— Агата, ты знала о том, что на нашу семью повесили долги... батюшки? — я позволила раздражению прорваться сквозь тщательно возводимые барьеры.

На самом деле, несмотря на весь свой жизненный опыт, я была недалеко от нервного срыва. Легко держать себя в руках, когда ты каждый день возвращаешься домой к холодильнику, полному еды, нежишься в тёплой ванной и по вечерам листаешь ленту соцсетей. Ничего серьезнее увольнения и неудачного романа тебе не грозит.

На меня же реальность обрушилась вполне ощутимыми физическими симптомами: лицо горело от холодной воды, а ноги страшно гудели после прогулки по старинному городу. Тесный корсет давил на рёбра, а чужая обстановка — на психику. И ни единого проблеска памяти, никакого узнавания! Будто бы после Сандры мне досталась просто телесная оболочка. Я ничего не чувствовала к тем, кто рядом — ни любви, ни ненависти. Просто любопытство и пустоту, потому что они были чужими людьми.

Но долги и нужда грозили мне вполне реальными неудобствами — если нам негде будет жить и нечего есть, то я точно это почувствую самым неприятным образом. А мне бы очень этого не хотелось!

— Ты за этим меня позвала? Какое отношение долги имеют ко мне? — раздражённо сказала она и тут же принялась нападать: — Что ты себе позволяешь, разрешая Асе идти на именины к Каргиным? Это неприлично — мы ещё год будем в трауре! А ещё ей нечего преподнести в качестве подарка. Об этом ты подумала?

Нет, об этом я не подумала. Никогда не была бедной и не привыкла заботиться о таких мелочах!

— Имей в виду, Агата, я не Сандра. Если ты привыкла всех здесь запугивать, у тебя не выйдет. Нам нужно поскорее решить, что сделать с долгами, или нас выкинут на улицу!

— Мне плевать, куда вас выкинут. Я уеду к мужу и надеюсь никогда вас больше не увидеть! И не смей соваться ко мне с просьбами о деньгах. Раз ты не моя сестра, то и помощи я тебе не дам!

Сила ненависти, прозвучавшая в её голосе, отрезвила меня. Что с ней такое? Откуда такая отчаянная злость?

— И зря ты оставила их одних! Если бы ты знала, что у него на уме, то давно вышвырнула бы вон этого Казанову! — продолжила Агата, а я округлила глаза.

— Откуда ты знаешь, что у него на уме? — подозрительно спросила я. — Ты что, читаешь его мысли?